

29 декабря 1987 г., кирха

— Очередная, 7-ая Школа по физике ионосферы проходила всё там же, в "Спутнике" с **31 октября по 17 ноября (1986 года)**. Но в этот раз впервые мы поехали вместе с Сашулей, которая ещё ни разу не была в Сочи, да и вообще на черноморском побережье Кавказа (как и на самом Кавказе). Внука оставили на попечение родителя, а на ноябрьские приехала Ирина. Митя тоже жил с ними, к деду не захотел перебираться.

— Мы с Сашулей поселились в отдельном номере в "башне" на десятом этаже с живописным видом на горы и частично на море. Компанию нашу калининградскую составили помимо нас ветераны Школы Кореньков и Клименко, а также Ваня Карпов (второй раз на Школе), Надежда Тепеницина и Федя Бессараб - новички.

— Несмотря на довольно поздние сроки проведения Школы (по сравнению с предыдущими) погода в целом не испортила впечатления: бывали и дождливые, и солнечные дни, а то и по несколько раз на дню погода менялась, но в море купаться было можно, а в первые дни так и вообще очень даже приятно: температура воды градусов восемнадцать была поначалу. К концу Школы она понизилась до четырнадцати, но мы всё равно купались по утрам после зарядки и бега.

— Бегал я то с Гинзбургом по над морем, по участку шоссе, где движение было перекрыто из-за оползня, то один в гору по дороге на Ахун, минут по сорок. Сашуля вставала позже, но успевала всё же сделать зарядочку на берегу и искупаться до завтрака. Клименко с Ваней тоже регулярно купались по утрам.

— С Клименко и Ваней мы играли в футбол, я с Володей в паре, а Ваня с Федей или Кореньковым, или с Маратом Дёминовым, причём в последнем случае силы становились явно не равны: Ваня с Маратом драли нас как котят. Меня подводила слабая техника, а отяжелевший Клименко не желал бегать, ходил пешком, норовил сам обвести противника, жадничал с пасом и злился из-за моих ошибок, потеряв мяч, переставал за него бороться, а я злился на него за то, что мне приходилось метаться по всей площадке и в защите, и в нападении. И хоть бегал я много и усердно, толку от этого было мало - мы проигрывали с разгромным счётом.

— У меня, как водится, не обошлось без травм. В игре трое на трое я очень неудачно столкнулся с Аликом Староватовым, ободрал в кровь руку и сильно ушиб бедро, еле бегал потом...

— Сашуля ездила на экскурсии в Сухуми и в Новый Афон, в пещеры, а я оставался в "Спутнике", корпел над текстом 2-й главы, который мне прислал Б.Е. Этим я занимался почти всё свободное от собственно Школы время - вечерами и в выходные дни.

— Только 7-го ноября я целый день посвятил прогулкам - вместо демонстрации, на которую Данилов пытался выгнать школьников, мы устроили своей калининградской компанией поход на Ахун-гору (до обеда) и по Агуре к водопадам и выше (после обеда). Причём на Ахун последний участок штурмовали не по дороге, а напрямки, то есть по чащобе, невзирая на мои протесты (мы с Ваней в прошлый раз уже имели такое удовольствие).

— Эльбрус в этот раз с Ахуна виден не был - спрятался в облаках, но погода была прекрасная - тепло и над нами солнечно, только вдаль над Кавказом на вершинах гор лежали облака.

— На Школу приехали, но не на весь срок, а только на несколько дней Вагнер и Гудрун. Гудрун сидела рядом с нами на дурацком безалкогольном товарищеском ужине, заменившем былые разудалые банкеты, и я, как бы незаметно, угощал её глоточками коньяка из малюсеньких подарочных бутылочек, которые я сунул в карманы. Ну, и сам, разумеется, заправлялся.

— Сашуля этим была крайне недовольна. Не тем, что я пью, а что делаю это

исподтишка, когда остальные вокруг сидят с постными лицами и маются. Даже те, кто предварительно зарядился. Дикость ситуации была не в самом факте отсутствия алкоголя, а в том, что количество жратвы и вся организация ужина соответствовали именно хорошей выпивке и без неё теряли всякий смысл, ибо коллективным принятием пищи мы и так занимались ежедневно по три раза.

— Не спасало даже исполнение ветеранами отрывков из прошлых опер. Скрасить вечер удалось лишь в нашем номере, где мы с Сашулей и Гудрун устроили легальное распитие спиртных напитков - коньяка и марочных вин из подарочных наборов.

— Лекцию свою я прочёл в этот раз не блестяще, не рассчитал время, слишком медленно читал первый час и быстро - последний. По словам Гудрун Вагнер был поражён нашими результатами по большой модели, которые я показал в заключение своей лекции - цветные слайды с глобальными распределениями ионосферных параметров на разных высотах. По сравнению с Ростовым мы не слишком продвинулись вперёд, но на тех, кто в Ростове не был, результаты производили впечатление.

— А в целом традиционный набор школьных лекций не выглядел таким привлекательным и интересным как, скажем, 10 лет назад или в 1979-м году, когда был Славик Ляцкий.

— Д-область всех задавила, - недовольствовал народ. И в самом деле, по Д-области были лекции Данилова, Гинзбурга, Таубенхайма, Лаштовички, в которых перепевались одни и те же мотивы "зимней аномалии" без каких-либо новых данных или идей.

— Безобразно отчитал свою лекцию Лёва Ерухимов - очень темпераментно и сверхсумбурно, ни черта понять невозможно было. Небрежность чуть ли не в принцип возведена, как он студентов учит?

— А самые бурные дискуссии вызвало выступление Вани Карпова по поводу влияния вариаций коэффициента турбулентной диффузии на газовый состав термосферы. Ваня, собственно, повторил то, что уже рассказывал в Ростове, и что мы представили с ним в нашей многострадальной статье.

— Но если в Ростове реакция публики была определённно положительная - всё правильно, мол, а как же иначе? - то здесь вдруг разгорелись страсти. И разжёл их не кто иной как Эдик Гинзбург, в Ростове работу безусловно поддержавший. Он вдруг засомневался в Ваниных результатах, а его бывший ученик Саша Задорожный и вовсе не был согласен с Ваниными рассуждениями. И началось..!

— Спорили с криками до хрипоты, не только и не столько в официальное дискуссионное время, но и в номерах, и на свежем воздухе, неизменно собирая вокруг себя болельщиков той или другой точки зрения, а также просто зрителей и слушателей.

— Временами противнику удавалось сбить Ваню с толку. Он задумывался, не находил сразу возражений и так и ходил - задумчиво пришибленный, сомневаясь в своей правоте, пока не находил ошибку у оппонента, после чего спор возобновлялся с меньшей силой.

— Активно участвовал в этих спорах и Данилов, то соглашавшийся с нами, то возражавший, и, похоже, так и не пришедший к окончательному мнению. Я, кстати, пожаловался ему как члену редколлегии "Г. и А." на безграмотные отзывы рецензентов на эту нашу с Ваней статью, но Данилов тут же отмежевался - он, мол, на том заседании не был, когда наша статья проходила, а то бы он, несомненно, её рекомендовал в печать... Я что-то не очень ему поверил.

— Гинзбурга и Задорожного нам так и не удалось тогда переубедить, как и им нас. В общем, побазарили хорошо, но, что печально, - по другим вопросам дискуссий практически не было, лекторов вопросами не атаковали, слушатели были пассивны, вялы, и Андрей Михайлов пришёл к концу Школы к безрадостному выводу об её ненужности - исчерпала себя, мол.

— Лекторов просто надо менять, постарели они, свежая струя требуется, - возразил я ему.

— Может быть, - ответил Андрей, - вот только энтузиастов что-то не видно эти лекции

читать, как и слушать их.

— - Таков итог периода застоя, - резюмировали мы с ним. - Молодёжи любознательной не стало, а старики энтузиазм растеряли.

— На Школе не было Коли Климова. Он как раз перед Школой защищал диссертацию докторскую в ИЗМИРАНе и неожиданно для всех засыпался. Завалил его неумный Марс Фаткуллин. Фельдштейн - Колин оппонент - рассказывал, что Коля потерял бдительность, расслабился, не принял Марсовых нападков всерьёз, не защищался практически, соглашаясь чуть ли не со всеми замечаниями.

— В результате 7 членов Совета при голосовании воздержались, двое были против, и требуемых двух третей голосов Коля не набрал. Андрей Михайлов, правда, считал, что Колю прокатили справедливо, он его диссертацию видел и ужаснулся, отказался оппонировать. Коля, мол, от науки отошёл в последние годы, всё за правду у себя в СибИЗМИРе боролся, и просто собрал в диссертации всякие старые результаты в кучу, чем и дал повод Марсу прицепиться. А у того на Колю зуб с давних времён имелся...

— Я был искренне огорчён. Климова я всегда считал одним из толковейших геофизиков, докторскую степень безусловно давно заслужившим. Как-никак соавтор двух приличных монографий, и вот - на тебе! Видать, Бог его наказал за преследования Хазанова и Коена, небезгрешных, впрочем, как теперь думаю. Следующим на очереди Гинзбург стоял, тот тоже всунул в диссертацию всё, что только ни делал, получилось два толстенных тома, но предусмотрительно пригласил в оппоненты Марса...

— А Сашуля Школой осталась очень довольна - новые впечатления, от забот домашних отдохнула, почаще бы так!

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)